

К.В. Истомин*, Н.А. Лискевич**, В.Э. Шарапов*

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167000, РФ
E-mail: kistomin@naver.com;
sharapov.valery@gmail.com

**Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: povod_n@mail.ru

САМБУРГСКИЕ КОМИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ¹

Освещается история формирования самбургских коми, проживающих в с. Самбург Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, характеризуются этнокультурные процессы в их среде, выявляются локальные особенности сохранения, воспроизводства и трансформации этнической идентичности. Основными источниками послужили материалы полевых исследований авторов, проводившихся в 2004, 2009 и 2016 гг. Приток коми населения в Самбург связан с образованием в 1937 г. оленеводческого совхоза «Пуровский» на базе Кутольюганского совхоза, размещавшегося на территории Надымского района ЯНАО. Прибывшие в Пуровский совхоз пастухи были потомственные оленеводы, уроженцы разных населенных пунктов — центров компактного расселения коми на территории бывшей Тобольской губернии. Многие оленеводы на прежнем месте жительства были раскулачены и подвергались репрессиям. В Самбурге коми переселенцы не смогли восстановить комплекс оседлой материальной культуры и хозяйства, почти утратили связанные с ним аспекты духовной культуры. В то же время традиционный комплекс кочевой оленеводческой культуры сохранился, некоторые его элементы были заимствованы ненецкими оленеводами. В конце 1930-х гг. началось брачное и языковое взаимодействие самбургских коми и коренных жителей — тундровых и лесных ненцев, что привело к метисации населения и преобладанию выбора национальности детей в пользу этнонима «ненец». При этом носители «коренного» этнонима зачастую идентифицируют себя как коми (зыряне) и сохраняют предпочтительное отношение к традиционной культуре коми, в том числе языку, т.е. особенностью модели ассимиляции пуровских коми в среде ненецкого большинства является сохранение исходной этничности и ее доминирование в неофициальной обстановке.

Ключевые слова: коми-ижемцы, оленеводство, ситуационная этничность, этническая идентичность, Пуровский совхоз, Самбург.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-143-154

Теоретические рамки и проблематика исследования

Этническая карта России необычайно сложна. Ее сложность объясняется бурными процессами этнического слияния, разделения, ассимиляции, аккультурации, масштабными миграциями населения. Миграции населения в регионы с различным этническим составом привели к формированию на территории современной России многочисленных компактных групп однородного в этническом плане населения, проживающего за пределами основного ареала расселения своего этноса. Для номинации подобных образований в отечественной науке используются разные термины — этнические группы, этноареальные группы, локальные группы, диаспоры. Выявление и исследование таких групп позволяет лучше понять особенности протекания основных этнических процессов, таких как ассимиляция и аккультурация, условия сохранения и трансформации традиционной культуры, родного языка, этнического самосознания.

Народ коми (коми-зыряне), подобно другим народам России, в полной мере испытал воздействие упомянутых выше этнических процессов, что привело, с одной стороны, к формированию обширного по площади общего ареала его расселения, а с другой — к сильной фрагментированности этого ареала. Во второй половине XIX в. большую роль в формировании ареала

¹ Работа выполнена в рамках исследовательских проектов: РГНФ № 16-11-11001 «Локальные группы коми Надымского и Пуровского районов Ямало-Ненецкого АО: язык, культура, история формирования» и ERA.Net RUS Plus project № 189 «Symbolic Cultural Landscapes: Development and Protection of Local Communities in the Russian North».

коми сыграли миграции представителей наиболее северной этнографической группы, коми-ижемцев. Коми-ижемцы — единственная этнографическая группа народа коми, в хозяйственный комплекс которой входит и играет в нем значительную роль кочевое оленеводство. Миграции ижемцев шли в основном в двух направлениях: в западном, в Малоземельскую и Тиманскую тундры и далее на Кольский полуостров, и в восточном, через Уральские горы в Северо-Западную Сибирь. Естественное стремление селиться и держаться вместе привело к тому, что в результате упомянутых переселений сформировались многочисленные компактные сообщества коми, проживающие полностью в иноэтничном окружении за пределами основного ареала расселения, т.е. этноареальные группы. Одна из таких групп расселена и к востоку от Оби, на территории современного Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, основная часть коми населения сконцентрирована в с. Самбург и г. Тарко-Сале. Эта группа до сих пор мало исследована, об истории ее формирования, степени сохранности языка и элементов традиционной культуры, а также особенностях трансформации этой культуры и функционировании этнической идентичности в процессе приспособления к новой среде обитания имеются лишь отрывочные сведения.

В общественных и исторических науках в последние десятилетия уделяется большое внимание изучению актуальных проблем современных диаспор, разработке теоретических подходов и методологических принципов определения природы и проявления этничности, этнических границ (см., к примеру, обзоры: [Авдашкин, 2015; Рыжова, 2011, с. 30–55]). В отечественной этнологии преобладало мнение, что этничность — это групповой феномен, складывающийся не из отдельных «микроэтничностей», а как коллективная межпоколенная традиция и служащий важным идеологическим средством социализации индивида [Чешко, 1994, с. 41]. Ф. Бартом были заданы методологические принципы конструктивизма, он заострил внимание на социальном конструировании групповых границ и значении индивидуального сознания, социального поведения и восприятия в формировании этнической идентичности [Barth, 1969]. В.А. Тишков в рамках конструктивистского подхода предлагает рассматривать не человека в этничности, а этничность в человеке, при этом этничность подвержена историческому дрейфу, т.е. «путешествию индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций и систем» [2001, с. 233; 2003, с. 123]. А.В. Головнев, дополняя, отмечает, что каждое поколение заново воссоздает свою этничность, и всякий раз в чем-то по-новому; при этом фиксируемые характеристики (переписи, административные границы) не всегда совпадают с реальной ситуацией [2009, с. 46]. Принцип конструктивизма предполагает, что этничность становится ресурсом, а этническая (само)идентификация — инструментом реализации статусной стратегии [Дробужева, 2002; Рыжова, 2011, с. 62].

Для небольших этнических групп, проживающих в окружении иноэтничного большинства, в условиях политики фаворитизма в отношении определенных категорий этносов и социальных групп, при размывании этнокультурных границ и расширении межэтнических браков процесс этнической самоидентификации на индивидуальном уровне становится более сложным и зависит от различных субъективных и объективных факторов (к примеру: [Адаев, 2011; Ким и др., 2015; Пивнева, 2010]). Этническая идентификация людей, выросших в смешанных в этническом отношении семьях, где родители имеют разную национальность, может определяться национальностью одного из родителей либо этнического большинства. Непростой характер этого процесса у выходцев из национально-смешанных семей, по мнению Е.М. Галкиной, может быть связан с определением «номинальной идентификации», фиксируемой в официальных документах, и формированием «внутренней этнической идентификации», включающей два уровня: «самоидентификацию — осознанное отнесение себя к определенной этнической группе — и уровень неосознаваемых установок и ориентаций» [1989, с. 14]. Такой методологический подход позволяет выявлять локальные особенности аккультурационных и ассимилятивных процессов, типологизировать их и выделять модели ассимиляции.

В рамках данной статьи мы сосредоточили внимание на освещении истории формирования самбургских коми, характеристике этнокультурных процессов, связанных с группой, выявлении локальных особенностей сохранения, воспроизводства и трансформации этнической идентичности.

Источниками исследования послужили материалы полевых исследований авторов в течение нескольких лет. В 2004 г. проводилось историко-культурное и археологическое исследование территории Пуровского района сотрудниками ИПОС СО РАН под руководством А.Н. Багашева, в ходе полевых работ были собраны данные о хозяйстве и территории традиционного

природопользования населения района, этнодемографической ситуации² [Отчет..., 2004]. В 2009 г. в рамках этнографической экспедиции Н.А. Лискевич выявлены сведения по истории отдельных семей коми, реконструированы родословия. К.В. Истомин и В.Э. Шарипов проводили этнографические исследования в 2016 г., собрали дополнительные уточняющие сведения по истории формирования группы, а также этнографический материал по традиционному оленеводческому хозяйству местных коми, технологии выпаса оленей, кочевому жилищу, орудиям труда, влиянию коми на местных ненцев в сфере хозяйства и материальной культуры.

История формирования коми населения в Самбурге

Пуровский район был образован в 1932 г., он входит в состав Ямало-Ненецкого автономного округа и расположен в бассейне р. Пур; на западе граничит с Надымским районом, на севере — с Тазовским, на востоке — с Красноселькупским, на юге — с Сургутским и Нижневартовским районами Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. По данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., на территории, соответствующей современному Пуровскому району, среди оседлого населения числилось всего 17 чел. — 8 ненцев и 9 русских. Среди кочевого населения отмечалось 309 ненцев (тундровых), 890 чел. лесных ненцев, 79 хантов, или 98,7 % от всего населения территории [История Ямала, 2010, с. 35–36].

Приток населения в Пуровский район, образование стационарных населенных пунктов тесно связаны с социально-экономическими преобразованиями конца 1920-х — 1930-х гг. Первый оленеводческий совхоз «Надымский» (или М. Ямальский) был образован Госторгом в 1929 г. [Гриценко, 2004, с. 190; Кантор, 1933, с. 50]. До 1933 г. хозяйство Надымского совхоза находилось в тяжелом положении, одним из важнейших мероприятий стало разукрупнение совхоза в конце 1933 г. — создание Кутопьюганского и Ныдинского совхозов [Кошелев, 1934, с. 79]. Землеустроительные и экономические обследования 1932–1933 г. показали перспективность развития оленеводства в восточных районах — Пуровском и Нижне-Тазовском [Андреев, 1934, с. 65]. Было принято решение перевести Кутопьюганский оленеводческий совхоз на новые пастбищные площади Пуровского фонда, реорганизовав его в 1937 г. в «Пуровский оленеводческий совхоз Главного управления Северного морского пути» [Дудников, 2004, с. 151]. Центральную усадьбу дислоцировали в Нижне-Пуровском национальном совете Пуровского района, на правом берегу р. Пур, в урочище Верхнего Самбурга [Там же]. Новый поселок назвали Самбург, по аналогии с одноименной факторией, находившейся в 2 км ниже от запланированного для центральной усадьбы места [Вокуев, 2015, с. 136].

Оленеводы, работавшие в стадах совхоза, были в основном коми (зыряне). По рассказам, в 1935–1937 гг. коми пастухи жили и работали в Ныде, в совхозе «Кутопьюганском», но после выделения новых пастбищных наделов стали переводить стада в низовья Пура. Весной 1937 г. прибыли семьи Сметаниных, Вокуевых, Каневых, Рочевых, Хатанзеевых, Ямзиных.

Прибывшие в Пуровский совхоз пастухи были потомственные оленеводы, уроженцы разных населенных пунктов, являющихся центрами компактного расселения коми на территории бывшей Тобольской губернии (с. Мужы Шурышкарского района, с. Саранапуль Березовского района, с. Катравож Приуральского района, с. Лабытнанги, г. Салехард); также по полевым материалам известно, что часть оленеводов прибыла из *Воркуты, там какой-то Воркутинский совхоз оленеводческий был.*

Многие из прибывших коми были весьма состоятельными оленеводами, у которых на прежнем месте жительства реквизировали оленей и которые облагались тяжелым налогом. Так, к примеру, в 1931 г. Вокуева В.И. и его сыновей Семена и Дмитрия, живших в то время в Саранпауле, обложили «твердым заданием по всем видам заготовок» и обязали выплатить займ на общую сумму 80 000 руб. [ГАХМАО, ф. 111, оп. 3, д. 13]. Глава семьи, Вокуев Василий Иванович в 1931 г. со своей большой семьей, куда входили и женатые сыновья, перевел стада из-под Березова на север, в сторону Салехарда (Обдорска), а потом перешел в Ныду, где они стали работать в совхозе [Вокуев, 2015, с. 25; ПМА 2009 г.]. В последующем Вокуев В.И. руководил оленеводческой бригадой № 2 в совхозе «Пуровский», его сын Семен стал бригадиром бригады № 6 [Вокуев, 2015, с. 25–26]. По воспоминаниям М.С. Айваседа (дочери Семена Васильевича Вокуева), *жили около Березова, потом шли до Салехарда и там стояли, а потом в Ныду. В совхоз вербовали. Потом оленей забрали, увели всех. Потом немного отделили, немножко*

² Этнодемографические исследования проводились с.н.с. ИПОС СО РАН Е.А. Волжаниной.

олений дали. У родителей было мало оленей. А потом сюда перевели, в Самбург. В Ныде жили два года, а потом с оленями сюда перевели на работу в 1938–39 гг. Мне 14 лет было...

Этот рассказ дополняет А.Н. Айваседа, дочь Николая Васильевича Вокуева:

Своих оленей были целые стада. У нас вот было три брата, так вместе жили. Много было оленей. Может, три тысячи, может, полторы. Раскулачили их, своих оленей все равно немножко было. Вот так и сюда попали. И сослать некуда. И так в Сибири. В чем провинились люди? Они и вещи свои, и всё оставили, некоторые даже обратно хотели уехать. Не смогли уехать, так и попали сюда. А все равно так и жили, что делать-то. Здесь оленей мало было. Совхоз же они организовали, этих оленей собрали своих, отобрали у них, совхоз сделали. А мы боялись потом, в комсомол принимали, мы не знали, что писать, ведь родители кулаки. Да и родители-то сами перепуганные были, ничего и не рассказывали.

В 1939 г. в Пуровском районе числилось всего 2295 чел., в том числе 503 русских, 1538 ненцев, 82 ханты, 76 коми, 13 татар, 13 украинцев и 70 прочих. В Тарко-Сале коми числилось 16 чел. и в «прочей местности» — 60 чел. [Михалев, 2010, с. 36]. Вероятно, под «прочей местностью» понимались пастбищные угодья Пуровского совхоза, где каслали оленеводы.

В феврале 1945 г. постановлением Ямало-Ненецкого окрисполкома в п. Тарко-Сале был образован оленеводческий совхоз «Верхне-Пуровский», объединивший несколько хозяйств [Агропромышленный комплекс..., 2008, с. 84]. Среди совхозных оленеводов появились и коми — Терентьевы, Каневы, Витязевы, Ямзины, Музыкантовы (ПМА 2009 г.). В 1947–1949 гг., по данным текущего сельсоветского учета, в трех сельсоветах (Таркосалинском, Верхне-Пуровском и Нижне-Пуровском) Пуровского района числилось 2675 чел. В Таркосалинском с/с было 72 чел. коми, в Верхне-Пуровском — 9, в Нижне-Пуровском — 76 [Михалев, 2010, с. 36].

В 1950–1960-х гг. численность населения Пуровского района, в том числе коми, постепенно увеличивалась не только за счет естественного прироста, но за счет специалистов и рабочих, прибывающих в учреждения соцкультбыта, подразделения совхозов и колхозов. Поселки активно строились, что привлекало строительные бригады, плотников, пилорамщиков и др. К началу 1958 г. в Пуровском районе числилось 3113 чел., из них коми — 172 чел. [История Ямала, 2010, с. 337; Михалев, 2010, с. 52].

Традиционная культура и хозяйство

Первые коми переселенцы в бассейне р. Пур были оленеводами-кочевниками, оторванными, во многом насильственно, от традиционной «оседлой» культуры ижемских коми. Более того, экологические особенности нижнего Пура ограничивали возможность экспорта сюда такой культуры переселенцами: в окрестностях Самбурга нет подходящего леса, при строительстве поселка его централизованно сплавляли из верховьев Пура и использовали для сооружения типовых построек. Дрова (в тот период, когда поселок ими отапливался) также заготавливали высоко по реке и распределяли по жесткой норме; рано (и вынужденно) появилось центральное отопление. Местность не приспособлена для полеводства, сенокосов, по сути, нет, животноводство (помимо оленеводства и звероводства) было развито слабо и существовало только в совхозном, а не в частном хозяйстве. Все это делало невозможным развертывание переселенцами традиционного для ижемцев материально-хозяйственного комплекса оседлой культуры — строительство ижемских усадеб, бань, разведение крупного и мелкого скота. Даже сейчас в Самбурге крайне мало частных домов, причем все они, включая и те, что принадлежат коми, построены по принципу максимальной экономии материалов и тепла и на классическую ижемскую усадьбу не похожи.

Отсутствие традиционного комплекса оседлой материальной культуры и хозяйства ведет к слабой сохранности у местных коми некоторых элементов духовной культуры: обрядов сельскохозяйственного цикла, верований и обрядов, связанных с баней (которая у коми играла важную роль также в семейной, особенно родильной и свадебной, обрядности), производственных верований. Кочевой образ жизни и продолжительная борьба с религией привели к исчезновению многих традиций, связанных с церковными праздниками. Хотя Н.А. Вокуев упоминал о существовании в Самбурге в 1970-е гг. обычая устраивать качели на Пасху (весьма характерный элемент празднования Пасхи у ижемских коми), остальные информаторы о качелях не говорили. Это, возможно, вызвано тем, что, работая в оленеводстве, они практически никогда не бывали на Пасху в поселке, так как этот православный праздник часто приходится на преддверный и отелный периоды оленеводческого цикла, являющиеся, пожалуй, самыми напряженными

Самбургские коми: история формирования и этнокультурные процессы

ми в плане затрат труда и времени пастухов. Подобно всем ижемцам-оленеводам и в отличие как от ненцев, так и от оседлых ижемцев, пуровские коми считают главным календарным праздником Ильин день (Илля лун, 2 августа по новому стилю). Особое почитание св. Ильи проявляется и в том, что строящаяся в Самбурге православная церковь по просьбам местных коми будет освящена в честь этого святого. До недавнего времени в коми бригадах совхоза «Пуровский» сохранялись все традиции этого дня, включая гонки на оленях. В настоящее время, однако, по сообщениям информаторов, эти традиции постепенно теряются, хотя почитание самого дня сохраняется. Остальные традиционные календарные праздники не соблюдаются либо соблюдаются в меньшей степени.

В противоположность оседлой, кочевая оленеводческая культура ижемцев сохранилась у пуровских коми удивительно хорошо, во многих отношениях даже лучше, чем в бассейнах Печоры и Усы, на исторической родине ижемского оленеводства. По описаниям информаторов, как в коми, так и в ненецких оленеводческих бригадах совхоза «Пуровский», по крайней мере в тех из них, что кочуют по левому берегу р. Пур, используется традиционный ижемский чум на *моко́те* или удлиненной треноге, без *сымзы* (священного шеста), с *чукичами* (внутренними шестами, по-ненецки — «ти»), идущими параллельно друг другу от входа в *синякуй* (место, противоположное входу), с умывальником, висящим на чукичах прямо напротив входа, и спальными местами, оснащенными пологамми в любое время года. Интересна судьба «красного угла»: в традиционном ижемском чуме место, противоположное входу (*синякуй* по-ненецки), между чукичами драпируется тканью, на чукичи вешается полка с иконой (либо икона ставится на установленном там столе), а перед иконой зажигается лампадка. По воспоминаниям опрошенных нами в с. Самбург информаторов (4 чел.), в чумах пуровских ижемцев, по крайней мере в последнее время, икон не висело, хотя некоторые из них заявили, что иконы у них были, но их возили в нарте для одежды и постельных принадлежностей и заносили в чум только по праздникам. Тем не менее красный угол был оформлен: задрапирован тканью, были полка или столик для документов и ценных вещей, висела керосиновая лампа. У пуровчан, в противоположность оленеводам Ижемского района Республики Коми, до сих пор сохраняется зимний чум с меховыми нюками (*гэначом*), замена меховых нюков многослойными нюками из сукна не прослеживается.

У пуровских коми представлен весь набор ижемских нарт, включая ларь (*яшшык*), который у них заимствовали местные ненцы. Во всех бригадах совхоза, включая ненецкие, используется ижемский способ запряжки боковых оленей в упряжке проводом плечевой лямки через ногу (способ, известный среди ненцев других районов ЯНАО как «нгызмаподер», хотя нам не удалось выяснить, используют ли этот термин пуровские ненцы). Комплекс меховой одежды сохраняет ижемскую конструкцию маличного капюшона, обуви — *тобоков* и *пимов*, приемы украшения *тасмы* (пояса). Интересно, что ижемские приемы изготовления меховой одежды также широко заимствуются местными ненцами. Более того, среди местных ненцев прослеживается тенденция к отказу от традиционной меховой женской одежды — ягушек (*паны*) и замещению ее малицами с белыми капюшонами (*едид юра* (*баба*) *малич*) на ижемский манер.

В среде самбургских оленеводов наблюдается процесс унификации в покрое и особенностях декорирования меховой одежды и обуви у коми и ненцев. Вместе с тем все самбургские мастерицы легко различают специфику в орнаментальной традиции и технике шитья, характерную для «нысма» и ненцев. Так, по мнению ненецких мастериц, у *зырян орнамент на меховых изделиях более мелкий, а у ненцев различные элементы меховой аппликации значительно крупнее и сам орнамент получается крупнее. При этом у зырян более тщательно прошиваются швы на меховой аппликации, более мелкими и частыми стежками. Ненки шьют более свободными стежками* (записано со слов Любови Мыртьевны Оковой, 1965 г.р., с. Самбург).

Ненецкие мастерицы в Самбурге называют «коми орнаментом» (*нысма мадавы*) декор меховой обуви, выполненный тонкими вставками из разноцветного сукна по швам на меховой обуви, а также чередующиеся линии из меха контрастного цвета на подоле малиц (*сера панды малича*). По свидетельствам современных самбургских коми мастериц, в декорировании меховых сумок (*тучу, падку*) и обуви (пимов) в семьях у коми оленеводов женщины, в отличие от ненцев, никогда не применяли шаблонов — выкроек для орнамента. Иногда в оформлении изделий из меха коми мастерицы используют некоторые типичные для ненцев несложные элементы геометрического орнамента, а для заимствованных у ненцев тех или иных орнаментальных мотивов — конкретные названия на ненецком языке либо обобщенное наименование —

яран мадавы («ненецкий орнамент»). Но, поскольку любую геометрическую композицию в меховой аппликации коми женщины всегда воспроизводят по памяти, даже при повторении какого-либо мехового узора первоначальный изобразительный мотив неизбежно изменяется, утрачивает некоторые детали. Самобытность и художественная выразительность меховой мозаики коми в оформлении бытовых меховых вещей, вероятно, обусловлена именно стремлением к некоторому обобщению, лаконичности орнаментальных мотивов, в отличие от ненецкой традиции тщательной проработки жестко заданного каждого элемента более сложного по композиции орнамента, выполненного по трафарету.

Коми женщины более склонны вносить определенные изменения в традиционную технологию покроя и декорирования меховой одежды (так, например, детские малицы по подолу с внутренней стороны утепляют не оленьим мехом, а отрезами из старых плюшевых шуб; могут надеть поверх детской малицы совик, сшитый из меха годовалого оленя *теля*, шкура которого *постель* традиционно используется для изготовления замши, и т.д.), что порой вызывает недоумение со стороны ненецких мастериц.

В 2000-х гг. оленеводство перестало быть ведущей отраслью хозяйства у коми. В 2004 г. в ОАО совхозе «Пуровский» работало 103 чел. в качестве оленеводов и чумработниц, в основном ненцы и коми-зыряне. Если в 1997 г. поголовье оленей в совхозе составляло около 17 000 голов, то уже к 2004 г. оно сократилось до 13 000. Во многом это было связано с уменьшением территорий пастбищ из-за строительства дорог, газопроводов, обустройства месторождений и т.п. Уменьшилось и количество совхозных оленеводческих бригад — с 12 до 9. Среднее число оленей в бригадах колеблется в пределах 1500 голов, в летнее время поголовье возрастает за счет приплода. Кроме того, вместе с совхозными оленями в бригадах выпасаются и частные в количестве от 400 до 800 голов.

Совхоз «Пуровский» неофициально делится на два крыла, которые называются южным и северным (что не соответствует реальному их географическому положению). К северному крылу относятся земли по западную сторону Пура и бригады, кочующие по ним. Это земельный фонд, который был выделен совхозу при его основании в 1936–1937 гг. К южному крылу относятся земли по восточную сторону Пура, вошедшие в состав совхоза при его укрупнении (присоединении местных колхозов) и расширении его пастбищного фонда в 1980-х гг. Исторически все коми бригады относились к северному крылу (в котором, однако, были и ненецкие бригады), в то время как бригады южного крыла были ненецкими. Однако в 1980-е гг. часть коми бригад была переведена на южную сторону.

Интервью показывают большую разницу в способах ведения оленеводства между бригадами северного и южного крыла. В северном крыле практикуется классическое «коридорное» оленеводство с меридиональным кочеванием (с юга на север в первую половину года и с севера на юг во вторую), постоянными кочевыми путями (*вэргами*), правильной сменой сезонных пастбищ. Все эти признаки весьма характерны для ижемского оленеводства, хотя они присущи также ненецкому оленеводству, например, уральской тундры, полуострова Ямал и северной части Гыданского полуострова. С другой стороны, в южном крыле практикуется кочевание по кругу, без постоянных кочевых путей, без соблюдения меридиональной смены пастбищ. Этот способ ведения оленеводческого хозяйства очень похож на оленеводство тазовских ненцев (южная часть Гыданского полуострова), ближайших соседей пуровчан. Таким образом, в совхозе «Пуровский» сосуществуют две системы оленеводства: меридиональная, явно привнесенная сюда из более западных районов и характерная в том числе для ижемцев, и местная, традиционная для ненцев этой части ЯНАО. Границей между ними служит р. Пур.

В ходе нашего исследования нам не удалось непосредственно наблюдать способы выпаса оленей, но из рассказов информаторов создается впечатление, что, по крайней мере, в северном крыле практикуются многие технологические приемы, характерные для ижемцев: круглосуточное наблюдение за стадом в бесснежный и весенний периоды, ежедневный (по возможности) его объезд в зимний период. В отличие от оленеводов бассейна Печоры, пуровские коми сохраняют зимнее кочевание и связанный с ним материальный комплекс (зимний чум, отдельный выпас быков и основного стада зимой). Хотя снегоходы активно используются пуровскими оленеводами, в том числе при зимнем выпасе стада, их внедрение не привело здесь, как в бассейне Печоры, к зимней оседлости и выпасу оленей из стационарных поселков либо стационарных промежуточных баз. В быт пуровских оленеводов, как коми, так и ненцев, активно входят и другие технологические инновации: бензиновые электрогенераторы, мобильные телефо-

ны, видеоманитофоны, телевизоры. Однако это не приводит пока к разрушению традиционного материально-технологического комплекса кочевого оленеводческого хозяйства.

Брачное и языковое взаимодействие коми и коренного населения

Состав оленеводческих бригад в совхозе «Пуровский» был смешанным в этническом отношении. Вместе с коми пастухами работали тундровые и лесные ненцы. Общие профессиональные интересы обеспечивали развитие дружеских отношений: *сначала как чужие были для нас, ненцев, а впоследствии друзьями стали* (ПМА 2009 г.). Среди работников Пуровского совхоза был распространен билингвизм. Ненцы знали зырянский язык: *все старые люди, все чисто говорили на зырянском, особенно те, кто в колхозе жили* (Айваседо А.Н.). В коми-ненецких и ненецко-коми семьях у второго поколения переселившихся в Самбург коми разговаривали по-зырянски и детей учили родному языку. При этом и многие коми хорошо знали ненецкий язык. Для пастухов было необходимо и знание русского языка, развитие грамотности. В Самбурге имела школа, интернат, кроме того, для неграмотных оленеводов и их детей на летних пастбищах в устье рек Харвута и Сидимютте построили две базы, где в 1940–1950-х гг. действовала начальная школа с обучением на русском языке [Вокуев, 2015, с. 184]. *Самая первая школа была домик в стадах... и там учили людей. Чтобы хоть фамилию учили писать. Туда из стадов детей отправляли. Там зимой учили. Летом сильно много комаров, надо помогать родителям* (Яковлева Н.Г.). Позже языком бытового общения в смешанном коллективе стал русский: *мы в семье по-зырянски не разговариваем. Можно было, но у старшего сына жена ненка... И вот в чуме по-русски говорили, а то она ненка, я зырянка. И дети все по-русски* (Айваседо А.Н.).

Жители с. Самбург неоднократно отмечали, что в настоящее время они говорят/общаются между собой на «своем, особенном самбургском языке», в котором есть и ненецкие, и коми, и русские слова. По этому поводу в Самбурге можно услышать шутку о местной «мультиидентичности»: «Я — три в одном: коми, ненец и русский сразу» (Авайседо В.Г.). По словам А.А. Квачёвой, официально она идентифицирует себя как ненку — по национальности отца, но в то же время подчеркивает свое отношение к коми языку как к родному — по матери: «Язык самбургский очень своеобразный — это и ненецкий, и коми язык одновременно». Очевидное взаимовлияние и некоторые изменения, происходящие в фонетической и лексической системах ненецкого и коми языков в Пуровском районе, и в частности с. Самбург, отмечаются в недавних исследованиях московских лингвистов о диалектных и ареальных особенностях ижемских говоров ЯНАО [Кашкин и др., 2015].

Сходство хозяйственного уклада, общность трудовых навыков коми оленеводов с коренными жителями, развитие би- и полилингвизма, а также ограниченность потенциальных брачных партнеров в своем коллективе определили развитие взаимодействия в сфере семейно-брачных отношений. Особенно распространены стали смешанные браки коми и ненцев во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Более редкими были случаи, когда родители специально ездили свататься в отдаленные населенные пункты, чтобы сноха была *зырянкой*. Современные жители Самбурга считают, что *коми между собой здесь все уже родственники, по отцам и матерям*.

По данным генетико-демографических исследований, коми-зыряне внесли существенный вклад в субпопуляцию лесных ненцев в Самбурге, а с конца 1960-х гг. резко усилилась тенденция к бракам с пришлым населением (русские, украинцы, мари и др.) как у коми, так и у лесных и тундровых ненцев [Абанина, 1982, с. 1891; Посух, Осипова и др., 1996, с. 825]. На 01.07.2004 численность постоянного населения Самбургской сельской администрации составляла 1797 чел. Национальный состав населения был представлен следующим образом: 214 — русские (11,9 %), 1327 — ненцы (73,8 %), 23 — ханты (1,3 %), 117 — коми (6,5 %), 26 — украинцы (1,4 %) и прочие (менее 1 %), всего на территории сельского поселения проживали представители 22 национальностей [Отчет..., 2004, с. 151–152]. По данным похозяйственного учета населения, только 37,6 % коми (14 хозяйств, в которых было прописано 44 чел.) проживали в однонациональных хозяйствах. Среди межнациональных хозяйств с участием коми преобладали коми-ненецкие хозяйства — 17 хозяйств, в которых прописано 93 чел., хозяйства русско-коми насчитывали 40 чел., также выявлены 4 ненецко-коми хозяйства (22 чел.) и немногочисленные другие [Там же, с. 152–158]. В 2004 г. в Самбурге было заключено 17 коми-ненецких браков и 3 — ненецко-коми [Волжанина, 2010, с. 268].

Групповые границы между коми и ненцами, выражающиеся в языковом барьере, эндогамии, землячестве и родственных связях, различии хозяйственных стереотипов и культурных атрибутов, начали размываться уже в конце 1930-х — начале 1940-х гг. В результате уже во втором поколении некоторые переселенцы, у которых родители были коми, в официальных документах числились как ненцы. Объективным условием этого было усыновление ненцем либо межэтнический брак [Домовая книга..., 1968]. В конце 2006 г., по данным похозяйственного учета населения, в Самбурге числилось 113 коми, было заключено 57 браков с участием коми, причем подавляющая часть их была межэтническими (табл.). В большинстве семей с участием коми и представителей коренных народов выбор был не в пользу этнической номинации коми, один человек изменил свою национальность с «коми» на «ненец» в начале 2000-х гг. Похожие процессы зафиксированы в колвинской контактной зоне коми-ненецкого пограничья, где выходцы из этнически смешанных семей идентифицируют себя с народом коми (и более конкретно — с коми-ижемцами), используя при этом этноним «ненец». Авторы антропологических исследований 2004 г. среди колвинских ненцев пришли к выводу о важной роли социальных факторов, определяющих этничность индивида: его этническое окружение, национально-административное деление, льготный социальный пакет [Антропология коми, 2005, с. 147].

**Количество браков с участием коми и определение национальности детей
в п. Самбург Пуровского района по данным на 01.01.2007***

Брак	Кол-во семей	Кол-во семей, в которых определена национальность детей						
		Ненцы	Коми	Русские	Ханты	Осетин	Украинец	Не определена
Коми-ненецкий	21	19	2	—	—	—	—	—
Ненецко-коми	6	4	2	—	—	—	—	—
Коми-коми	7	7	—	—	—	—	—	—
Русско-коми	16	1	10	4	—	—	—	1
Коми-русский	2	—	—	2	—	—	—	—
Коми-украинский	1	—	—	—	—	—	1	—
Коми-ханты	1	—	—	—	1	—	—	—
Коми-осетинский	1	—	—	—	—	1	—	1
Осетинско-коми	1	—	1	—	—	—	—	—
Коми-абазинский	1	—	1	—	—	—	—	—

* Составлено по данным похозяйственных книг Самбургской сельской администрации на 01.01.2007.

В бытовом восприятии самбургского сообщества люди, у которых родители коми и ненцы либо носящие ненецкую фамилию, называются «ненецкие зыряне» — ‘изъватас яран’. Она не ненка, Вану́то тоже там были зыряне; Они как чистые зыряне, но фамилии ненецкие — изъватас яран (ПМА 2009 г.). Более того, коми этноним «яран», означающий «ненец», был заимствован местными ненцами, которые в разговоре между собой по-ненецки могут называть себя «яран хасаво/не» (вместо «неней хасаво/не», т.е. настоящий мужчина/женщина), а свой язык — «яран вада» (вместо «неней вада» — настоящая речь) (Оковай В.Х., запись 2016).

В представлениях современных пуровских коми важнейшим фактором сохранения национальной идентичности, наряду с родным языком, выступает традиционный костюм. Так, по мнению коми женщин, живущих в с. Самбург, сохранение родного языка неразрывно связано с традицией повседневного ношения национального ижемского наряда:

Коми-зырян-то очень же много на самом деле в селе, только повыходили кто за русско-го, кто за ненца — язык так-то и теряется. Если не увидишь на улице свою национальную одежду, и не заговоришь ведь ни с кем по-коми, а если встретишь в ижемском сарафане кого-то, то и стараешься заговорить с ним на своем языке (Родионова А.Ф.).

В современных оленеводческих поселках традиционный женский наряд ижемских коми ушел из повседневной жизни и выполняет даже не обрядовую, а скорее «сценическую» или «декоративную» функцию, выступая зримым маркером «зырянской» идентичности. Вместе с тем в большинстве семей коми оленеводов бережно сохраняются из поколения в поколение и регулярно обновляются традиционные женские наряды, которые надеваются, как правило, на календарные праздники и различные торжественные мероприятия.

Изучением и сохранением певческой традиции на ижемском диалекте коми языка много лет занимается А.А. Квачёва — руководитель ансамбля «Самбургские зыряночки» с. Самбург. По мнению Анны Атковны, пуровские коми оленеводы, живущие среди ненцев уже более 70 лет

Самбургские коми: история формирования и этнокультурные процессы

компактной, достаточно обособленной группой, смогли сохранить уникальные особенности родного языка и старинную песенную традицию ижемских коми. В репертуаре ансамбля, в частности, представлены старинные малоизвестные песни ижемских коми, которые удалось зафиксировать у старожилов с. Самбург: «Важэн олыс озыр морт»/«Жил когда-то зырянин богатый» (записана со слов А.Н. Айваседа, в девичестве Вокуевой); «Ныы' ветлалэ»/«Ходит девушка» и «Вичко»/«Церковь» (записаны со слов И.Я. Пяк, в девичестве Коневой). Старинные ижемские песни, исполняемые на различных фестивалях и конкурсах в «самбургском» варианте, неизменно не только привлекают внимание жюри и слушателей, но и вызывают исследовательский интерес у фольклористов и музыковедов.

Выводы

Коми, поселившиеся в Самбурге,— выходцы с разных территорий (Мужи, Березово, Салехард, Воркута), численность их была небольшая. Несмотря на то, что некоторые приехали большими семьями, включающими три поколения, и старались поддерживать отношения с родственниками на родине, в коллективной памяти не осталось представления об общности землячества и его мифологизации. Одним из главных мотивов в семейных историях о появлении коми в Самбурге звучит тема раскулачивания, принуждения к переезду и работе в совхозе. Необходимость коми оленеводов адаптироваться на новом месте была связана не только с освоением новых пастбищных угодий, привыканием к новым социальным и экономическим отношениям, но и с приспособлением к репрессивной политике, когда нужно было многое скрывать о своей прошлой жизни. Может быть, это отчасти повлияло на процесс «сохранения корней». Потомки первых поселенцев уже в третьем поколении не всегда могут сказать, откуда прибыли их деды, не знают генеалогии, и соответственно нельзя говорить о высокой степени их идентификации с родиной предков. Результатом брачного взаимодействия коми и ненцев стало преобладание выбора национальности детей в пользу этнонима «ненец», т.е., по сути, ассимилирование коми ненецким большинством. При этом носители «коренного» этнонима зачастую идентифицируют себя как коми (зыряне) и сохраняют предпочтительное отношение к традиционной культуре коми, в том числе языку. Таким образом, массовые источники, содержащие формальные данные, маскируют реальную этническую ситуацию, когда наряду с выбором в пользу коренной национальности в смешанных браках сохраняются коми язык и коми культура, а также приоритет коми идентичности в бытовых условиях. То есть особенностью модели ассимиляции пуровских коми в среде ненецкого большинства являются сохранение исходной этничности и ее доминирование в неофициальной обстановке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАХМАО. Ф. 111. Березовский районный совет и его исполнительный комитет. Оп. 3. Д. 13. Переписка с сельскими советами Березовского района о наложении твердых заданий на кулаков. 1933 г. 64 л.

Домовая книга № 1 для прописки граждан, проживающих в доме по Самбургу Пуровского района. Пуровское отделение милиции. 1.09.1968–13.09.1968 // Архивный отдел администрации муниципального образования село Самбург.

Отчет о выполнении научно-исследовательских работ по заказу № 7227: «Проект. Транспорт деэтанализованного конденсата Юрхаровского НГКМ на Пуровский ЗПК. Инженерно-экологические изыскания (ИЭИ). Оценка состояния окружающей среды (ОСОС). Историко-культурное и археологическое исследование территории и ее мониторинг» / Отв. исполнитель А.Н. Багашев, исполнители А.А. Ткачев, В.П. Клюева, Н.А. Повод, А.А. Богордаева, О.Е. Пошехонова, А.А. Антонов, Е.А. Волжанина. Рукоп. Тюмень, 2004. 238 с. // Научный архив ИПОС СО РАН.

Литература

Абанина Т.А. Популяционная структура лесных ненцев, демографические характеристики, структура браков, миграция, анализ смешения // Генетика. М.: АН СССР, 1982. Вып. 11, т. XVIII. С. 1884–1893.

Авдашкин А.А. Феномен диаспоры: Методологические основы научного исследования // Вестн. ЧелГУ. 2015. № 2 (357). С. 131–137.

Адаев В.Н. «А остяки — они же любители одиночества...»: Этническая идентичность и этнические стереотипы у населения реки Демьянка в XX–XXI вв. // УИВ. 2011. № 2 (31). С. 63–72.

Агропромышленный комплекс Ямало-Ненецкого автономного округа / Авт.-сост. Ю.А. Морозов. Тюмень: Сиб. издат. дом, 2008. 176 с.

Андреев В.Н. Освоение кормовой базы ямальского оленеводства // Сов. Север. М., 1934. № 3. С. 63–67.

К.В. Истомин, Н.А. Лискевич, В.Э. Шарапов

- Антропология коми* / Г.А. Аксянова, Н.А. Долинова, Г.В. Рыкушина и др.; Отв. ред. Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 2005. 280 с.
- Вокуев Н.А.* Пастбищный фонд. М.: Сталинград, 2015. 215 с.
- Волжанина Е.А.* Этнодемографические процессы среди ненцев Ямала в XX — начале XXI в. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Галкина Е.М.* Этническая идентификация у выходцев из национально-смешанных семей: (Этносоциологический и этнопсихологический аспекты) // Этнография, антропология и смежные дисциплины, соотношение предмета и методов. М.: ИЭ АН СССР, 1989. С. 12–19.
- Головнев А.В.* Дрейф этничности // УИВ. 2009. № 4 (25). С. 46–55.
- Гриценко В.Н.* История Ямальского Севера в очерках и документах: В 2 т. Т. 1. Омск: Кн. изд-во, 2004. 312 с.
- Дробужева Л.* Российская и этническая идентичность: Противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. 2002. С. 213–244.
- Дудников Н.Ф.* Пур — надежда России. М.: Вертикаль: Пресском, 2004. 240 с.
- История Ямала:* В 2 т. / Под общ.ред. В.В. Алексеева. Т. II: Ямал современный. Кн. 1: У истоков модернизации / Под ред. К.И. Зубкова и др. Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.
- Кашкин Е.В., Кузнецова А.И., Муравьев Н.А.* Ижемские говоры ЯНАО: Диалектные и ареальные особенности // Пермистика 15. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2015. С. 148–155.
- Кантор Е.* Хозяйство Ямальского (Ненецкого) национального округа: (Из доклада Е. Кантора Комитету Севера) // Сов. Север. 1933. Вып. 6. С. 46–53.
- Ким Х.Ч., Шабеев Ю.П., Истомин К.В.* Локальная группа в поиске идентичности: (Коми-ижемцы: Динамика культурных трансформаций) // Социол. исследования. 2015. № 8 (376). С. 85–92.
- Кошелев Я.* В Ямальских тундрах // Сов. Арктика. 1934. Вып. 5. С. 76–85.
- Михалев Н.А.* Население Ямала в первой половине XX века: (Историко-этнографический анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 196 с.
- Пивнева Е.А.* Мансийский опыт экосоциальной адаптации // УИВ. 2010. № 2 (27). С. 136–142.
- Посух О.Л., Осипова Л.П., Крюков Ю.А., Ивакин Е.А.* Генетико-демографический анализ популяции коренных жителей самбургской тундры // Генетика. Новосибирск: Ин-т цитологии и генетики СО РАН, 1996. Вып. 6, т. 32. С. 822–829.
- Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
- Тишков В.А.* Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 240 с.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6. С. 35–50.
- Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference.* Boston: Little, Brown and Company, 1969. P. 9–38.

Список информаторов

- Айваседо Марина Семеновна, коми, 1927 г.р.
Айваседо Анастасия Николаевна, ненка (родители — коми), 1933 г.р.
Айваседо Валерий Гордеевич, ненец, 1971 г.р.
Вануйто Ираида Иовна, коми, 1922 г.р.
Вокуев Николай Андреевич, коми, 1960 г.р.
Квачева Анна Атковна, ненка, 1974 г.р.
Оковой Любовь Мыртьевна, ненка, 1965 г.р.
Оковой Виктор Хаюлович, ненец, 1967 г.р.
Пяк Ирина Яковлевна, коми, 1926 г.р.
Родионова Анастасия Федоровна, коми, 1951 г.р.
Рочева Елена Ильинична, коми, 1987 г.р.
Хатанзеева Нина Николаевна, ненка, 1947 г.р.
Яковлева Надежда Григорьевна, ненка, 1924 г.р.

K.V. Istomin*, N.A. Liskevich**, V.E. Sharapov*

*Institute of Language, Literature and History
Komi Science Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167000, Russian Federation
E-mail: kistomin@naver.com;
sharapov.valery@gmail.com

**Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: povod_n@mail.ru

SAMBURG GROUP OF KOMI: ORIGIN, HISTORY AND ETHNO-CULTURAL PROCESSES

In this paper, the authors attempt to reconstruct the history of the Eastern most compact group of the Izhma Komi currently known — the one living in the village of Samburg, Purovski District, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Russia. The authors also describe ethno-cultural processes (changes in material and spiritual culture) which have been going in the group as well as the distinct ways its members maintain, re-create and transform their ethnic identity. The research is based on the ethnographic observations and interviews performed by the authors in 2004, 2009 and 2016 as well as on published and unpublished (archival) documents. The arrival of the Komi population to the lower Pur and the establishment of the village of Samburg were related to the formation of the state reindeer herding enterprise (*sovkhos*) «Purovski» in 1937. This *sovkhos* was formed on the basis of the earlier «Kutopyuganski» *sovkhos*, which was situated in Nadym District of YNAO. The personnel of this earlier *sovkhos*, which now became the personnel of «Purovsky» enterprise, consisted of reindeer herding families originated from different villages with large Komi population situated in the former Tobolsk *Gubernia*. Many of these families were victims of the infamous dekulakization campaign (the campaign of political repressions, including deportations, against the wealthy peasants) of 1929–1931. Mainly due to ecological reasons, the Komi re-settlers in Samburg have not re-created the complex of settled culture and economy, which is traditional for the Izhma Komi, and have almost lost those aspects of spiritual culture that were related to this complex. At the same time, they retained and continue to retain the traditional complex of nomadic reindeer herding culture of the Izhma Komi and some elements of this complex have been borrowed by the local Nenets reindeer herders. Since the late 1930s, the Komi re-settlers maintain close contacts, including numerous inter-ethnic marriages, with the local tundra and forest Nenets. These contacts were made easier due to the Komi-Nenets bilingualism, which became widespread in the region. Currently, the majority of the local Komi live in mixed Komi-Nenets families. In these families, children are usually registered as Nenets in official documents. However, many of these Nenets unofficially identify themselves as Komi and express strong preference for Komi culture and language. Therefore, the process of assimilation of the Samburg Komi by the local Nenets is going on, but it has an interesting peculiarity: the assimilated Komi use and express their Nenets identity in official circumstances but retain their original ethnicity in the unofficial ones.

Key words: the Izhma Komi, reindeer herding, situational ethnicity, ethnic identity, *sovkhos* «Purovski», Samburg.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-143-154

REFERENCES

- Abanina T.A., 1982. Populatsionnaia struktura lesnykh nentsev, demograficheskie kharakteristiki, struktura brakov, migratsiia, analiz smesheniia [The structure of the Forest Nenets' population, its demographic characteristics, marriage structure, migration and assimilation analysis]. *Genetika*, no. 11, vol. XVIII, Moscow: AN SSSR, pp. 1884–1893.
- Adaev V.N., 2011. «A ostiaki — oni zhe liubiteli odinochestv...»: Etnicheskaia identichnost' i etnicheskie stereotipy u naseleniia reki Dem'ianka v XX–XXI vv. [«Well, Ostyaks like being alone, uh...»: Ethnic identity and ethnic stereotypes among the population along the Demianka river in the 20th–21st centuries]. *Ural'ski istoricheskii vestnik*, no. 2 (31), pp. 63–72.
- Aksianova G.A., Dolinova N.A., Rykushina G.V. i dr., 2005. *Antropologiya komi* [Anthropology of the Komi], Moscow: IEA RAN, 280 p.
- Alekseev V.V., 2010, (ed). *Istoriia lamala* [The history of Yamal], vol. 1, Ekaterinburg: Basko, 368 s.
- Andreev V.N., 1934. Osvoenie kormovoi bazy iamal'skogo olenevodstva [The utilization of fodder resources in Yamal reindeer herding]. *Sovetskii Sever*, no. 3, pp. 63–67.
- Avdashkin A.A., 2015. Fenomen diaspor: Metodologicheskie osnovy nauchnogo issledovaniia [The phenomenon of diaspora: The methodological basis for a scientific research]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (357), pp. 131–137.
- Barth F., 1969. Introduction. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, Boston: Little, Brown and Company, pp. 9–38.
- Cheshko S.V., 1994. Chelovek i etnichnost' [The Man and the Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 35–50.

- Drobizheva L., 2002. Rossiiskaia i etnicheskaia identichnost': Protivostoianie ili sovместimost' [Russian national and ethnic identity: Opposition or complementarity]. *Rossiiia reformiruiushchaiaasia*, pp. 213–244.
- Dudnikov N.F., 2004. *Pur — nadezhda Rossii* [The Pur is the hope of Russia], Moscow: Vertikal, Presskom: 240 p.
- Galkina E.M., 1989. Etnicheskaia identifikatsiia u vykhodtsev iz natsional'no-smeshannykh semei: (Etnotsiologicheskii i etnopsikhologicheskii aspekty) [Ethnic identity of the people with mixed ethnic backgrounds: (Ethno-sociological and ethno-psychological aspects)]. *Etnografiia, antropologii i smejnye distsipliny, sootnoshenie predmeta i metodov*, Moscow: Institut Etnografii AN SSSR, pp. 12–19.
- Golovnev A.V., 2009. Dreif etnichnosti [The drift of ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 4 (25), pp. 46–55.
- Gritsenko V.N., 2004. *Istoriia lamal'skogo Severa v ocherkakh I dokumentakh* [The history of Yamal region in essays and documents], vol. 1, Omsk: Kn. izd-vo, 312 p.
- Kantor E., 1933. Khoziaistvo lamal'skogo (Nenetskogo) natsional'nogo okruga: (Iz doklada E. Kantora Komitetu Severa) [The Economy of Yamal (Nenets) National Okrug]. *Sovetskii Sever*, 6, pp. 46–53.
- Kashkin E.V., Kuznetsova A.I., Murav'ev N.A., 2015. Izhemskie govory IaNAO: Dialektnye i areal'nye osobennosti [Izhma sub-dialects of YNAO: Dialectic and areal particularities]. *Permistika 15. Dialekty i istoriia permskikh iazykov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami*, Izhevsk, pp. 148–155.
- Kim Kh.Ch., Shabaev Iu.P., Istomin K.V., 2015. Lokal'naia gruppa v poiske identichnosti: (Komi-izhemtsy: Dinamika kul'turnykh transformatsii) [The local group in search for its identity: (The Izhma Komi: the dynamics of cultural transformations)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8 (376), pp. 85–92.
- Koshelev Ia., 1934. V lamal'skikh tundrach [In Tundras of Yamal]. *Sovetskaia Arktika*, 5, pp. 76–85.
- Mikhalev N.A., 2010. *Naselenie lamala v pervoi polovine XX veka: (Istoriko-etnograficheskii analiz)* [The population of Yamal in the first half of the 20th century: (A historical and an ethnographic analysis)], Ekaterinburg: UrO RAN, 196 p.
- Morozov Iu.A., 2008. *Agropromyshlennyi kompleks lamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [The agricultural branch of economy of Yamal-Nenets Autonomous Okrug], Tiumen': Sibirskii izdatel'skii dom, 176 p.
- Pivneva E.A., 2010. Mansiiskii opyt ekosotsial'noi adaptatsii [Mansi's experience of eco-social adaptation]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2 (27), pp. 136–142.
- Posukh O.L., Osipova L.P., Kriukov Iu.A., Ivakin E.A., 1996. Genetiko-demograficheskii analiz populiatsii korennykh zhitel'ei samburgskoi tundry [Genetic and demographic analysis of the aboriginal population of the Samburg Tundra]. *Genetika*, no. 6, vol. 32, Novosibirsk: Institut tsitologi i genetiki SO RAN, pp. 822–829.
- Ryzhova S.V., 2011. *Etnicheskaia identichnost' v kontekste tolerantnosti* [Ethnic identity in the context of social tolerance], Moscow: Al'fa-M, 280 p.
- Tishkov V.A., 2001. *Etnologii i politika* [Ethnology and politics], Moscow: Nauka, 240 p.
- Tishkov V.A., 2003. *Rekviev po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for the Ethnos: Studies in social and cultural anthropology], Moscow: Nauka, 544 p.
- Vokuev N.A., 2015. *Pastbishchnyi fond* [The reserves of pasture lands], Moscow: Stalingrad, 215 p.
- Volzhanina E.A., 2010. *Etnodemograficheskie protsessy sredi nentsev lamala v XX — nachale XXI v.* [Ethnodemographic processes among Yamal Nenets in the 20th and the early 21st centuries], Novosibirsk: Nauka, 312 p.